И. Б. Фан*

Сложное наследие: советская политическая мораль сегодня

Аннотация. В статье ставится проблема содержания современной российской политической морали как части политической культуры населения. Показано, что в официальном дискурсе употребляется термин «гражданственность», который является аналогом термина «политическая культура». Однако в значении этого термина, на наш взгляд, доминирует советское наследие: элементы идеологии сталинской эпохи и, отчасти, 1960-х годов советской истории – «Морального кодекса строителя коммунизма». Официальная «гражданственность» является гибридной идеологической конструкцией. Советское наследие, интерпретируемое в духе апологии государственной власти и ее главы, осложняет для населения выработку гражданского сознания и морали, адекватных политической ситуации в современном мире и стране.

Ключевые слова: советская идеология, политическая культура, политическая мораль, патриотизм, «Моральный кодекс строителя коммунизма», гражданственность.

Финансовая поддержка: исследование проводится в рамках проекта «Специфика конструирования гражданственности в 1920–2010 гг. на материале публичных парковых пространств г. Свердловска/Екатеринбурга» при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 20-411-660005.

«Моральный кодекс строителя коммунизма» в качестве элемента третьей Программы КПСС был утвержден

^{*} *Ирина Борисовна Фан*, д-р полит. наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела философии Института философии и права УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия). ORCID 0000-0003-1816-9245. ResearcherID K-2425-2018.

[©] Фан И. Б., 2022

в 1961 г. на XXII съезде КПСС [2]. По сути, это наследие сталинского этапа партийно-государственного строительства, обновленная версия большевистской идеологии, в которой сформулирован партийно-государственный заказ на «нового человека». Двенадцать принципов «Морального кодекса» делятся на политико-идеологический, общественно-трудовой и гуманистический блоки. Политико-идеологический блок принципов включал такие требования к человеку, как «преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине, к странам социализма; высокое сознание общественного долга, нетерпимость к нарушению общественных интересов; дружбу и братство народов СССР; нетерпимость к национальной и расовой неприязни; непримиримость к врагам коммунизма, дела мира и свободы народов; братскую солидарность с трудящимися всех стран, со всеми народами». Общественно-трудовой блок акцентировал добросовестный труд на благо общества; коллективизм и товарищескую взаимопомощь и другие.

В публичном дискурсе о гражданственности в нынешней России отсутствуют постулаты коммунистической идеологии и классовый подход. Но есть «симметричные» замены: место любви к социалистической Родине занимает патриотизм как «основа государственной идеологии»; непримиримость к врагам коммунизма заменена предупреждениями о геополитических угрозах с Запада и т. д. Усиливаются установки изоляционизма и национализма. Наличие принципов гуманизма в «Моральном кодексе строителя коммунизма» и их отсутствие в современном официальном дискурсе и государственной молодежной и образовательной политике являются откатом к сталинским временам, реваншем тоталитарного режима с его милитаристской риторикой и властью силовых структур. Отсутствуют во властном дискурсе и упоминания о демократических ценностях, свободе и справедливости [4, с. 282], о политическом участии граждан в управлении государством [5, с. 73].

Воспитание «нового человека» как главная задача большевистского проекта решалась путем конструирования культурных моделей, образцов такого человека, транслируемых детям и мо-

лодежи посредством системы образования, пропаганды, искусства и т. д. Коммунистическая мораль, мораль «рабочего класса», трактовалась как противоположная буржуазной морали. Идеал коммуниста создавался как образ «антибуржуа», а в историческом контексте революций, войн, противостояния капиталистической и социалистической систем этот идеал воплощал идею борьбы и соответствующие качества личности борца. Эволюция советской идеологизированной культуры привела к конструированию идеальных типов коммуниста - «революционера», «воина» и «строителя коммунизма» [3, с. 297]. В сталинский период наиболее востребованным оказался тип воина - поначалу борца с противниками победы мировой революции, а затем защитника «социализма в отдельно взятой стране» от внешних и внутренних врагов. Тип коммуниста-воина требовал таких качеств, как преданность, чувство долга, мужество, нетерпимость к иной идеологии и непримиримость к врагам. Однако идеальный тип коммуниста-воина предполагал двойственное, «расколотое» сознание. Его основой было представление о мире, который разделен на два противоборствующих лагеря, о мире в состоянии войны идеологической, моральной и т. п. Из этого вытекали «двойные стандарты» практического поведения: одни были ориентированы на мир «своих», другие – на мир «чужих, чуждых, врагов». Это же требовало от коммуниста постоянной боевой готовности к войне с силами, идеологически чуждыми, за пределами границ социалистического государства и внутри этих границ. Партия требовала и готовности пожертвовать «своими» людьми во имя идеи, и пожертвовать собой. Это сознание и установки поведения стали константой пропагандируемого образа коммуниста и советского человека. Готовность рассматривать все происходящее в мире через оптику войны долгое время существовала как законсервированная установка сознания. Под воздействием агитационно-пропагандистских технологий такая установка актуализируется в сознании нынешнего российского населения. Образ коммуниста-воина – часть идеологии «служения» партии и государству. В последующие периоды советской истории идеальный образ коммуниста и советского человека - «строителя коммунизма» дополнялся такими качествами, как профессионализм, политическая грамотность и общественная активность.

Основные черты типа воина, за исключением содержания коммунистической идеологии, по нашему мнению, были воспроизведены не только в «Моральном кодексе строителя коммунизма», но и в нынешней модели гражданственности, которая, по сути, предназначена для воспитания молодежи в духе защиты существующего политического порядка и безопасности правящей корпорации. Гражданственность фактически понимается как лояльность и служба наличной власти, реализация интересов правящих слоев. Распространение публичного дискурса патриотизма и гражданственности и воплощение его в ведомственных программах на уровне исполнительной власти означают установление социальной нормы. Это требование идеологии и политической морали к обществу и индивиду – своего рода государственный заказ на определенную культурную модель человека. С другой стороны, гражданственность – это степень следования населения этому требованию, степень реализации данной модели поведения на уровне практической нравственности, или нравов населения [1, с. 284], степень соответствия сознания, нравственности и поведения индивида установленной норме.

Гражданственность с точки зрения официального дискурса тождественна патриотизму, который понимается как безусловная лояльность действующей власти без намека на объективность оценки и тем более критики. Это старое советское содержание тезиса о воспитании «нового человека» под термином, известным с дореволюционных времен и внешне связанного с либеральной и демократической идеологией. Из содержания изъята идея строительства коммунизма, но идея служения государству, отождествляемому с правящим слоем, а последнего – с главой государства, всё та же. Такое «производство» гибридных идеологических конструкций вписывается в тренд нынешнего режима на показную реставрацию многих элементов советской политической системы и культуры. Но этот тренд не вполне последователен. Эта система действует просто в целях информационной дезориентации и манипуляции массами, для сокрытия абсолютно циничных процес-

сов властвования. «Моральный кодекс строителя коммунизма» воспроизводил многие черты сознательного коммуниста как идеала человека, характерного для политической культуры сталинской эпохи. Идеи гражданственности в нынешнем официальном дискурсе и государственной образовательной, культурной и молодежной политике представляют собой тот же государственный заказ на человека-исполнителя. За этими терминами скрывается стремление власти к воспроизводству части качеств из перечня морально-политического облика коммуниста, но за вычетом идеи построения коммунистического общества. В образце человека, необходимого современным российским государственным деятелям, воспроизводится этакратическая лояльность массового индивида государству и его главе. Коммунистическая идеология, как и другие виды идеологий, кроме чистой апологии власти, исчезли из официального дискурса. Однако произошло усиление государственнической риторики и пропаганды. Сложность для понимания обывателем ситуации в настоящее время заключается в гибридности идеологических конструкций, в запутанной комбинации фактов и их интерпретации субъектами с разными политическими интересами, в прямой дезинформации и пропаганде.

Литература

- 1. Лихачева Л. С. Нравы как социально-культурный феномен: проблема модернизации в современной России // Известия Уральского университета. Сер. 2 : Гуманитарные науки. 2012. № 4 (108). С. 281–286.
- 2. Программа Коммунистической партии Советского Союза: принята XXII съездом КПСС [Электронный ресурс] // Левые в МГУ: сайт комсомольцев и коммунистов МГУ им. М. В. Ломоносова. URL: http://leftinmsu.narod.ru/polit_files/books/III_program_KPSS_files/III_program_KPSS.htm (дата обращения: 15.03.2022).
- $3. \ll \dots C$ Лениным в башке и с наганом в руке»: коллективный портрет Екатеринбургской губернской организации РКП(б), 1919—1923: монография / В. А. Бондарь, С. В. Воробьев, О. В. Горбачев, Л. Н. Мазур, Е. И. Яркова; под ред. Л. Н. Мазур. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. 508 с.

СЛОЖНОСТЬ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО МИРА СОВРЕМЕННОСТИ: РЕАЛИИ И ОПТИКИ АНАЛИЗА

- 4. Фан И. Б. Апатия вместо жажды. Свобода и справедливость в жизни российского гражданина // Научный ежегодник ИФиП УрО РАН. Вып. 11. Екатеринбург: УрО РАН, 2011. С. 270–283.
- 5. Фан И. Б. Политическое участие в России: исключение «под прикрытием» включения // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. Т. 13, вып. 1. Екатеринбург, 2013. С. 67–82.